

ЕЛЬЧАНИНОВА Ольга Юрьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
e-mail: olga220169_69@mail.ru

О СПЕЦИФИКЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена анализу технико-юридического закрепления оценочных понятий в Соборном уложении 1649 года (далее – Уложение, свод законов). Определены критерии выявления оценочных понятий. Описаны доминантные черты оценочных понятий. Дана характеристика приемов и способов их закрепления. Показано влияние оценочных понятий Уложения на правоприменительную практику XVII века и эволюцию отечественного законодательства. Установлено, что при закреплении оценочных понятий Уложения законодателем использовались разные приемы: использование прямых оценочных формулировок; использование бланкетных и ссылочных формулировок; закрепление процедурной конкретизации; перечисление типичных случаев для раскрытия содержания понятия. Отмечено, что большинство закрепленных понятий выражены расплывчато, неконкретно, что создавало условия для их широкой интерпретации. Сделан вывод о том, что содержательная неопределенность закрепленных в Уложении оценочных понятий, их корреляция с судебным усмотрением и волеизъявлением государя, сословный характер норм, отсутствие единых критериев их применения, с одной стороны, отражали уровень развития юридической техники XVII века, а с другой – создавали сложности их интерпретации. Отмечены важные функции, которые выполняли оценочные понятия: способствовали адаптивности права, закрепляли сословные привилегии, выступали важным инструментом политического контроля.

Ключевые слова: Соборное Уложение, свод законов, оценочные понятия, «лихие люди», «злое дело», «бесчестье», «облихование», юридическая техника, правоприменение.

ELCHANINOVA Olga Yuryevna,
candidate of history, associate professor,
leading researcher, Research Institute
of the Federal Penitentiary Service

ON THE SPECIFICITY OF RECORDING VALUATION CONCEPTS IN THE CATHEDRAL CODE OF 1649

Annotation. This article analyzes the technical and legal codification of valuation concepts in the Cathedral Code of 1649 (hereinafter referred to as the Code). Technical and legal criteria for identifying valuation concepts are defined. The dominant valuation concepts of the Code are described. The methods and means of their codification are characterized. The influence of the Code's valuation concepts on 17th-century law enforcement practice and the evolution of Russian legislation is demonstrated. It is established that legislators employed various methods in codifying valuation concepts in the Code: the use of direct valuation formulations; the use of blanket referential formulations; the codification of procedural specifications; and the enumeration of typical cases to clarify the concept's content. It is noted that most of the established concepts are expressed vaguely and non-specifically, which created conditions for their broad interpretation.

It is concluded that the substantive ambiguity of the evaluative concepts enshrined in the Code, their correlation with judicial discretion and the sovereign's will, the class-specific nature of the norms,

and the lack of uniform criteria for their application, on the one hand, reflected the level of development of legal technology in the 17th century, and on the other, created difficulties in their interpretation. The important functions performed by evaluative concepts are noted: they facilitated the adaptability of law, consolidated class privileges, and served as an important instrument of political control.

Key words: Cathedral Code, code of laws, evaluative concepts, «evil people», «evil deed», «dishonor», «defamation», legal technique, law enforcement.

Введение

Оценочные понятия являются неотъемлемой частью правовой системы. С их помощью законодатель формулирует нормы права, понимает механизмы их адаптации к социальным реалиям. Содержание термина «оценочные понятия» не имеет законодательного уточнения, зачастую оно раскрывается в процессе правоприменения, с учетом конкретного случая. Среди основных черт оценочных понятий следует указать: неопределенность содержания (т.е. отсутствие четких критериев и границ), контекстуальность (т.е. смысл понятия раскрывается в конкретной правовой ситуации), субъективность интерпретации (т.е. понимание смысла зависит от усмотрения правоприменителя). Применяемые в современном российском праве оценочные понятия можно классифицировать по разным критериям: по сфере применения (например, «особая жестокость», «крупный размер» – в уголовном праве или «разумная цена» – в гражданском праве и т.д.); по степени обобщенности (абстрактные (например, «справедливость») конкретизированные (например, «значительный ущерб»); по способу закрепления (1. прямо закрепленные в законе (например, «добросовестность», «злоупотребление правом» (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации), 2. выработанные и уточненные судебной практикой). Значение оценочных понятий в праве вряд ли можно преувеличить.

Во-первых, они являются правовыми категориями, которые позволяют обеспечивать гибкость права, его способность реагировать на изменения в обществе, дают возможность правоприменителю устанавливать логико-семантические пределы их содержания и принимать решения с учетом конкретных обстоятельств дела. Во-вторых, отсутствие четких критериев толкования содержания оценочных понятий не исключает субъективизма при вынесении решения по делу, что требует высокой квалификации от всех субъектов правоприменительного процесса. В-третьих, оценочные понятия помогают обеспечивать преемственность правовых традиций, повышать качество правотворческого процесса и правоприменения. Поэтому обращение к проблематике закрепления оценочных понятий в Уложении считаем актуальным и целесообразным. Его принятие стало значительным шагом вперед в совершен-

ствовании юридической техники (новые подходы к структуре, терминологии и систематизации норм) [1, 2, 3, 4, 5].

Целью настоящей публикации является выявление и характеристика доминантных черт оценочных понятий, закрепленных в Соборном уложении. Для реализации заявленной цели мы определили ряд задач: установить технико-юридические критерии выявления оценочных понятий; найти и описать оценочные понятия Уложения; проанализировать приемы и способы их закрепления; оценить влияние оценочных понятий на правоприменительную практику XVII века и эволюцию отечественного законодательства.

В качестве методологической основы исследования нами был выбран следующий инструментарий: методы анализа и синтеза использовались для выделения ключевых тенденций и закономерностей в развитии источников отечественного права, для обобщения и систематизации положений Соборного уложения; с помощью сравнительного метода были сопоставлены нормы Соборного уложения как с предшествующими памятниками права (Судебниками), так и с действующими законодательными актами, что позволило выявить оценочные понятия и связанные с ними изменения в регулировании тех или иных отношений. Применение историко-правового метода позволило изучить исторический контекст создания Уложения, включая социально-политические условия, причины его принятия и цели законодателя; применение лингвистического метода помогло в оценке содержания и выявлении отличительных черт оценочных понятий Уложения; и другие методы.

Специфика технико-юридического закрепления оценочных понятий в Соборном Уложении

Уложение, являясь одним из самых масштабных систематизированных памятников права Московской Руси, было хорошо структурировано и разделено на 25 глав, объединяющих 967 статей [5, с. 40]. Остановимся на характеристике наиболее значимых оценочных понятий, закрепленных в нем.

Так, в статье 44 главы XXI законодатель использует понятие «лихие люди». Отметим, что данное понятие не было чем-то новым, оно было

закреплено еще в Судебнике 1497 года (статьи 8, 9, 39, 43) [6, с. 35, 38]. В Уложении ключевой чертой этого оценочного понятия выступает так называемый репутационный критерий вместо формального состава преступления. Его закрепление осуществляется через описание практики и презумпцию виновности лиц, имеющих «дурную славу» через процедуру «облихование», т.е. показания «добрых людей»: «А на которых людей языки говорят в розбое за очи, а с очей на очи на них говорити не учнут, и во многих людех их не узнают, или узнав их, да учнут с них зговаривать, и тех языков пытать накрепко, не по засылке ли их не узнали или узнав зговаривают». Да будет с пытки скажут, что их поклепали, и тех людей давать за приставы, и про них обыскати. А в обыску про них скажут, что они лихие люди, и тех людей пытати. Да будет учнут на себя в розбое говорити, и их казнити смертию, а не учнут на себя с пыток говорити, и их по обыском сажати в тюрьму до государева указу. А будет скажут языки, что с них зговорили по засылкам, и тех людей, которые приходили, имати, и с ними с очей на очи ставити и роспрашивати, и сыски всякими сыскивати. Да будет они к языком приходили для того, чтобы они с оговорных людей зговаривали, и их бити кнутом, да на них же взяти выти.

А будет их в обыску одобряют, и их свободити безвытно» (статья 44 главы XXI) [3, с. 391-392]. В этом фрагменте нам встречаются также такие понятия как: «языки», «за очи», «с очей на очи», «зговаривать», «по засылке». Представляется, что с их помощью законодатель устанавливал процессуальные действия в рамках процедуры «облихование». Так, понятием «языки» в разных контекстах могли обозначать свидетелей, обладающих информацией о совершенном преступлении, или обвиняемых, дающих показания. Понятие «за очи» означало рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого, а термином «с очей на очи» описывалась очная ставка. Понятие «зговаривать» применялось в значении «отказываться от ранее данных показаний». «Засылка» означала тайную договоренность, «по засылке» соответственно имело значение «по сговору или подкупу».

Итак, оценочное понятие «лихие люди» обозначало лиц, совершивших неоднократно противоправные деяния и живущих за счет доходов от преступлений. Статус «лихие люди» влек за собой и более тяжелые негативные последствия для их носителей, в частности, более жесткие наказания (смертная казнь, конфискация имущества в пользу государства, невозможность отмены смертной казни или передачи обвиняемого истцу для отработки долга). Вместе с тем, следует отме-

тить, что согласно статьям 59–61 главы XXI при определении разбоя законодатель понятие «лихие люди» уже не использует, а вводит понятие рецидива как самостоятельный признак.

То есть, оценочное понятие «лихие люди» означало не просто преступников, а скорее субъекты, чье социальное положение и репутация позволяли правоприменителю прибегать в отношении их к максимально жестким санкциям без требования доказывания их вины в совершении конкретного противоправного деяния. Кроме того, статус «лихие люди» был общественно порицаем.

Другое оценочное понятие, встречающееся в тексте Уложения – «злое дело». Оно закреплено в статье 1 главы II: «будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслит, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию» [6, с. 50]. В контексте вышеприведенной статьи данным понятием законодатель установил замысел преступного деяния против личности государя, его здоровья и власти. Представляется, что понятие «злое дело» тесно связано с понятием «государственное преступление» (бунт, измена, заговор), которое включало любые действия против царствующей особы, семьи царя. Как видим, Уложение позволяло применять жесткое наказание (смертная казнь) не только за само преступное деяние, но и за умысел его совершить. В случаях, когда речь шла о государственной безопасности, допускалось широкое толкование данного понятия и его конкретизация через перечисление отдельных составов (статьи 2, 3, 4 главы II).

Интерес представляет оценочное понятие «как государь укажет» («что государь укажет»). В первом варианте оно встречается, например, в тексте Уложения в статье 12 главы II: «а будет кто на кого учнет извещати великое государево дело, а свидетелей на тот свой извет никого не поставит, и ни чим не уличит, и сыскать про такое государево великое дело будет нечим, и про такое великое дело указ учинить по рассмотрению, как государь укажет» [6, с. 50]. Во втором варианте («что государь укажет») понятие указывает на то, что конкретный вид наказания не фиксировался заранее, а зависел от воли монарха после выяснения всех обстоятельств дела. Например, «а будет которой судия судных дел вершити не учнет для своей корысти, и в том на него будут челобитчики, а сыщется про то допряма, что он судных дел не вершит для своей корысти, а челобитчиком в том чинится волокита и убытки, и тому судье за вину его наказание, что государь

укажет...» (статья 15 главы X) [6, с. 55]. Представляется, что данным понятием законодатель закрепил принцип абсолютного усмотрения государя в определенных случаях. Речь идет о ситуации, когда поступала информация о совершении преступления против государя и государства, доказательства и свидетели отсутствовали, а следствие не могло установить элементы состава преступления. Поэтому законодатель закрепил право государя принимать окончательное решение по делу. По сути, в таких случаях вместо закона регулятором общественных отношений выступала воля монарха. Это оценочное понятие положило начало созданию юридического механизма, позволяющего главе государства выходить за рамки правовых предписаний в ситуациях, особенно важных в деле сохранения государственной безопасности и защиты самой монаршей особы и представителей правящей династии.

Оценочное понятие «бесчестье» в Уложении встречается неоднократно, причем в разных контекстах. В тексте Уложения этот термин можно встретить в значении: 1) оскорбления достоинства личности и чести; 2) в значении составного элемента наказания. Применительно к 1 значению следует указать, что правовые нормы, закрепляющие основания для защиты личности от «бесчестия», составляли отдельную группу статей об оскорблении, которые имели распространение на все сословия (от боярства до «гуляющего» люда): «будет кто при царском величестве, в его государеве дворе и в его государьских полатах, не опасаячи чести царского величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него государю бити челом о управе, и сыщется про то допряма, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, и по сыску за честь государева двора того, кто на государеве дворе кого обесчестит, посадити в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря иным не повадно было вперед так делати. А кого он обесчестит, и тому указать на нем бесчестье» (статья 1 главы III) [6, с. 52]. Следует отметить, что санкции определялись в соответствии с социальным и правовым статусами потерпевшего. Например, норма о повышенном размере штрафа за оскорбление жены устанавливалась вдвое больше, чем за оскорбление мужа, а за оскорбление дочери-девицы – вчетверо больше, чем за оскорбление отца. При этом законодатель не определил статус оскорбленных женщин, оставив это на усмотрение правоприменителя. В статьях 30–31, 85, 95 главы X законодатель установил нормы о защите чести и достоинства представителей духовенства, в том числе патриарха. За их оскорбление предусматривалось наказание в

виде битья батогами, тюремного заключения, штрафа: «А будет патриарха, или митрополита, или архиепископа, или епископа, или архимарита, или игумена, или келаря, или казначея, или иной иноческой чин обесчестит словом столник, или стряпчей, или дворянин московской, или гость, или дьяк, или жилец, или дворянин, или сын боярской городской, или иноземец, или дворовой человек, а по суду или по сыску сыщется про то допряма, и им за такое бесчестие чинити указ: за патриарха бити батоги, за митрополита посадить в тюрьму, за архиепископа и епископа в тюрьму же посадить» (статья 30 главы X) [6, с. 57–58, 60–61].

Применительно ко 2 значению понятия «бесчестье» следует отметить, что в Уложении были введены так называемые бесчестящие наказания. Например, «выдавати головою до искупу» («выдача головою»), что предполагало лишение званий, должностей, чинов, понижение в социальном и правовом статусе. В Уложении «выдача головою» закреплялась в нескольких статьях и по разным основаниям. Так, в статьях 206, 266 главы X определялись правила выдачи должников до искупа (до погашения долга). Должник (заемщик) передавался кредитору до тех пор, пока тот не отработает или не вернет долг. При этом для бояр и дворян этот порядок («правеж») имел ряд особенностей. В статьях 27, 28 главы X законодатель установил возможность «выдачи головою» как вид наказания за бесчестье. Так, думный человек, нанесший бесчестье патриарху, выдавался ему головою. За бесчестье архиереев устанавливался штраф, а в случае платежной несостоятельности виновного, он тоже мог быть выдан головою [6, с. 57]. Таким образом, оценочное понятие «бесчестье» в Уложении имело как материальный характер (оскорбление личности), так и процессуально-правовой характер (элемент наказания). Ввиду этого, оно могло толковаться неоднозначно и иметь различные правовые последствия для разных категорий населения.

Как видим, законодатель при технико-юридическом закреплении оценочных понятий Уложения использовал разные приемы, среди которых можно выделить:

1. использование прямых оценочных формулировок (например, «лихой человек», «злое дело», «бесчестье» и др.);
2. использование бланкетных и ссылочных формулировок (например, «как государь укажет», «по рассмотрению» и др.);
3. закрепление процедурной конкретизации (например, для установления статуса «лихого человека» предписывалось провести «облихование» и др.);

4. перечисление типичных случаев для раскрытия содержания понятия (например, деяний, которые следовало квалифицировать как «злое дело»).
5. в Уложении большинство закрепленных понятий выражены расплывчато, неконкретно. Так, понятие «наказать без пощады» не предусматривало конкретную меру наказания, а допускало либо усмотрение суда, либо волеизъявление монарха. Или другой пример, оценочное понятие «по вине» указывало на то, что наказание зависело от установленной вины, но степень и последствия определялись с учетом воли государя. Таким образом, аморфный характер таких понятий создавал условия для их расширительной интерпретации.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, отметим, что точное количество оценочных понятий в Соборном Уложении однозначно определить сложно, так как это зависит от критериев их выделения и интерпретации смысла их содержания.

В XVII веке законодателем такие понятия использовались для регулирования сложных правовых ситуаций, в которых требовалось учитывать контекст, мотивы, обстоятельства дела и другие переменные факторы.

По результатам нашего исследования выделим доминантные признаки оценочных понятий, закрепленных в Уложении:

6. В Уложении значение оценочного понятия может меняться в зависимости от контекста закона, от главы и статьи, в которой оно закреплено;
7. законодатель, закрепляя понятие, не раскрывает его через исчерпывающий перечень признаков, нормы Уложения не содержат четкой дефиниции, например, «лихие люди» (статьи 44, 61 главы XXI), «ратные люди» (статьи 2, 3, 6, 7, 21, 30 главы VII), «служилые люди» (статьи 5, 17, 18, 22, 32 главы VII), «воинские люди» (статья 14 главы VII);
8. нередко нормы содержат отсылки к усмотрению правоприменителя: «бити кнутом и вкинути в тюрьму, до государева указу» (статья 86 главы XXI), «челобитчика за то вкинуть в тюрьму, на сколько государь укажет» (статья 9 главы I), «дати государево жалованье из его животов, что государь укажет» (статья 15 главы II), «а вершити те дела по тому, как будет в суде записано» (статья 21 главы X);
9. в Уложении четко просматривается связь оценочных понятий с морально-этическими категориями: «справедливость», «добрые люди», «бесчестье» и др.;
10. для норм Уложения характерна сословная дифференциация, т.е. содержание и объем понятия, вид наказания зависят от социального статуса субъекта (например, «дьяков бити батоги, а подьячих кнутом» (статья 16 главы X)).

Содержательная неопределенность закрепленных в Уложении оценочных понятий, их корреляция с судебным усмотрением и волеизъявлением государя, сословный характер норм, отсутствие единых критериев их применения, с одной стороны, отражали уровень развития юридической техники

XVII века, а с другой – создавали сложности их интерпретации. Вместе с тем, оценочные понятия выполняли важные функции, они способствовали адаптивности права, закрепляли сословные привилегии, выступали важным инструментом политического контроля. Рассмотрение доминантных черт оценочных понятий Уложения в современных исследованиях по-прежнему актуально, поскольку изучаемый отечественный опыт правотворчества способствует совершенствованию юридической техники и демонстрирует необходимость баланса между гибкостью и формальной определенностью правовых норм. Хотя конкретные формулировки и контекст изменились, принцип использования оценочных понятий как инструмента правового регулирования сохранил свою значимость до наших дней.

Список литературы:

- [1] Ельчанинова О.Ю. «Буква закона» и «дух права»: к вопросу об особенностях толкования Соборного Уложения 1649 года // Образование и право. – 2026. – № 2. – С. 252–260.
- [2] Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. – 2-е изд., испр. – М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 2003. – 369 с.
- [3] Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К.А. Софроненко. – М.: Госюриздат, 1957. – 503 с.
- [4] Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / под ред. А.Г. Манькова. – Л.: Наука, 1987. – 451 с.
- [5] Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / сост., автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2011. – 421 с.
- [6] Хрестоматия по истории государства и права России учебное пособие / сост. Ю.П. Титов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 464 с.

References:

[1] Yelchaninova O.Yu. "Letter of the law" and "spirit of law": to the question on the peculiarities of the interpretation of the Cathedral Code of 1649// Education and law. – 2026. – № 2. - S. 252-260.

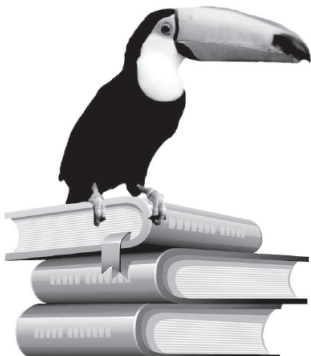
[2] Mankov A.G. Code of 1649 – Code of Feudal Law of Russia. – 2nd ed., Rev. – M.: State. †. East of Russia, 2003. – 369 p.

[3] Monuments of Russian law. No. 6. Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich 1649/ed. K.A. Sofronenko. – M.: Gosyurizdat, 1957. – 503 p.

[4] Cathedral Code of 1649: Text, comments/ ed. A.G. Mankova. – L.: Nauka., 1987. – 451 p.

[5] Tomsinov V. A. Cathedral Code of 1649 as a monument to Russian jurisprudence//Cathedral Code of 1649. Legislation of Tsar Alexei Mikhailovich/ comp., Author of the preface and introductory articles V.A. Tomsinov. - M.: Zerkalo, 2011. - 421 s.

[6] Textbook on the history of the state and Russian law textbook/comp. Yu.P. Titov. – 2nd ed., Revised and add. – M.: TC Welby, Prospekt Publishing House, 2008. – 464 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru